

Я. И. Рецкер
(Москва)

О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Если принять определение эксперимента в «Словаре иностранных слов»¹, то можно прийти к заключению, что область перевода дает широкие возможности для экспериментирования.

Конечно, определяющим фактором является назначение переводческого эксперимента. Особый характер имеет эксперимент специального назначения, например, проводимый в помощь судебной экспертизе, подобный описанному в моей статье «Плагиаг или самостоятельный перевод?»². Другое дело эксперимент, преследующий научные цели, – выявление определенных закономерностей, устанавливаемых лингвистической теорией перевода. «Исследуемым явлением» и в том, и в другом случае является перевод, но перевод, рассматриваемый с различных точек зрения.

Если целью эксперимента служит выявление закономерностей, то следует прежде всего точно наметить объект (или объекты) наблюдений и выбрать соответствующий материал. Важно учитывать, что соизмеримость результатов эксперимента в значительной мере зависит от степени однородности состава выполняющих перевод. Для научной ценности результатов эксперимента идеальной можно считать аудиторию примерно одинакового уровня знаний и навыков, т. е. студентов старших курсов вуза.

Эксперимент для выявления способностей к переводу

Такого рода эксперимент может быть успешно проведен среди испытуемых различного образовательного уровня. По крайней мере об этом свидетельствует проведенный в ноябре 1972 года эксперимент, охвативший 43-х студентов 3-го, 4-го и 5-го курсов переводческого факультета МГПИИЯ имени М. Тореза.

Для перевода был дан небольшой отрывок из романа Бэрдика и Уилера “Fail-Safe”, состоящий всего из шести строк. Это целостная характеристика американского ученого новой формации, совмещающего в своем лице изобретателя и дельца. Отрывок этот был выбран из-за весьма типичной для современной публицистики на английском языке (особенно для американской) манеры предельно конденсированной характеристики персонажей, поданной в едином предложении с однородными членами, не поддающемся, как правило, переводу на русский язык без существенных изменений лексического, грамматического и стилистического характера. Определяющим фактором был все же, пожалуй, стилистический. В этом кратком, но вполне самостоятельном отрывке, не требующем знакомства с романом для исчерпывающего понимания, характер персонажа обрисован девятью штрихами, причем все они, за исключением двух, относятся к его профессиональному облику. На первый взгляд, непосвященному в особенности характеристики в английской публицистике и художественной прозе может показаться странным несколько непоследовательный и даже хаотичный порядок перечисления этих девяти характерных черт героя. Но можно привести многочисленные примеры аналогичного построения характеристик у современных писателей и публицистов и даже у писателей-

¹ Эксперимент – это «научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого явления в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и воссоздавать его при повторении этих условий».

² «Тетради переводчика», № 1, 1963, стр. 42–64.

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>

викторианцев, в том числе у Диккенса и Теккерея. Следовательно, эта «неупорядоченность» перечисления в отрывке не является индивидуальным стилистическим приемом автора, а особенностью жанровой и лингвистической.

Когда отрывок переводился первыми двумя группами (11 человек), единственное, о чем я предупредил студентов, это о написании немецкой по происхождению фамилии Кнапп (и то после начала эксперимента, заметив, что студенты транскрибируют ее «Нэп»). И в четырех работах, сохранивших в точности порядок членов предложения подлинника, описанию Кнаппа была придана переводчиками ироническая экспрессия. Конечно, такая трактовка отрывка переводе вдвойне ошибочна. Во-первых, жанровые особенности текста не дают основания видеть иронию в этой характеристике. Во-вторых, передача иронии соположением разнохарактерных черт создает нежелательное впечатление небрежности переводчика. В этом можно убедиться, прочитав приводимый далее вариант № 1.

Knapp was one of the new breed of scientists who, after World War II, had become a scientist-inventor-businessman... He was a man of black coffee, hurried airplane flights, phone calls, technical drawings, intuitions about amperage and voltage, vast unanswered correspondence, harassed secretaries, rumpled suits, and a burning attention for only one thing, his scientific work. (E. Burdick and H. Wheeler. "Fail-Safe", p. 25)

Вариант № 1

Кнапп принадлежал к числу ученых нового типа, которые после второй мировой войны становились учеными, изобретателями и бизнесменами одновременно... Это был человек, для которого одинаково характерным было черный кофе и спешные вылеты, телефонные звонки и корпение над чертежами, поразительная интуиция в выборе вольтажа и ампеража, горы неотвеченных писем и загнанные секретари, вечно помятый костюм и жгучий интерес только к одному – своей научной работе.

Впечатление небрежности усиливается в этом переводе употреблением несуществующего в русском языке слова «неотвеченные» (письма), буквалистическими «вольтажем» и «амперажем» и неоправданным «корпением» над чертежами.

Когда перед проведением эксперимента в других группах, студенты были предупреждены о том, что порядок слагаемых этой характеристики не имеет стилистического значения, большинство переведивших (24 из 32-х) произвели ту или иную перегруппировку членов предложения. Однако лишь очень немногие учли подлинный стилистический характер текста: его предельную лаконичность, экономию средств, стремление создать цельный портрет, выделив немногие характерные детали. В результате даже довольно точный перевод (вариант № 2) оказался многословным (71 слово вместо английских 57-и) и лишенным динамичности подлинника.

Вариант № 2

Кнапп был представителем ученых новой формации, который после второй мировой войны сочетал в себе ученого, изобретателя и бизнесмена. Он был страстным любителем черного кофе, ходил в вечно помятом костюме, и единственное, о чем он постоянно думал, были его научные проблемы, вольты и амперы; его стол был вечно завален чертежами и корреспонденцией, ожидающей ответа; телефонные звонки

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>

раздавались поминутно, секретарши изматывались на работе, а сам он вечно торопился на самолет.

Синтаксический разнобой в построении этого периода по существу лишает всю структуру целостности. С таким же успехом можно было бы вообще разбить весь период на несколько предложений. Но в этом нет необходимости. Ведь вся характеристика представляет собой несомненно стилистико-синтаксическое целое. Переходы к новому структурному центру, дважды отмеченные в варианте № 2 пунктуацией (точкой с запятой), фактически разрывают это целое. И здесь можно отметить очень важный результат эксперимента: всего 9 переводивших из 42 не сохранили целостности периода, разбив его на части, тогда как в 33-х переводах единство описания соблюдено, даже в семи переводах студентов третьего курса. Это говорит о наличии достаточно развитого стилистического чутья у теоретически еще не подготовленной аудитории.

В третьем варианте, как и во втором, порядок следования однородных членов предложения изменен, однако характеристика приобрела большую цельность и органичность. Кроме того, в третьем варианте нет синтаксического разнобоя и соблюдена динамика подлинника. Это несомненно адекватный перевод.

Вариант № 3

Кнапп был представителем нового, послевоенного поколения ученых, сочетавших в себе также черты изобретателя и дельца... Этот человек, глубоко проникший в тайны электричества, поглощенный единой страстью к своей науке, готов был по первому вызову мчаться, наскоро проглотив чашечку черного кофе, в помятом костюме, с рулоном чертежей подмышкой, на самолет, оставив позади гору ожидающих ответа писем и сбившихся с ног секретарш.

В этом переводе выделены и поставлены на первое место важнейшие черты характеристики и применена лексическая трансформация (генерализация значений: «глубоко проникший в тайны электричества»). Этот вариант оказался в трех работах, причем в группе пятого курса, после того, как аналогичное явление – нелогичный порядок однородных членов предложения – уже встречалось и подвергалось анализу в процессе обучения. Но такой же вариант, с незначительными лексическими отступлениями, получился и в одной работе третьего курса. В общем, закономерность перестановок, диктуемых самой логикой фактов и обстоятельств, лучше воспринимается после того, как на этом явлении уже фиксировалось внимание переводчиков в теории и практике перевода. Конечно, оптимальное решение нельзя считать однозначным. Приведенными тремя вариантами далеко не исчерпывается возможность адекватного перевода данного текста.

Эксперимент для проверки закономерности трансформаций

При проведении экспертизы, порученной Московским городским судом Кафедре перевода Московского педагогического института иностранных языков, поставленный мною эксперимент имел совершенно определенную цель: выяснить вероятность совпадения ошибки в двух переводах, ошибки, которая послужила чуть ли не самым веским доводом в решении суда первой инстанции о наличии плагиата. Перевести отрывок английского текста, содержащий одинаково ошибочно переведенное истцом и ответчиком слово, было

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>

предложено 78 студентам трех старших курсов переводческого факультета и слушателям Высших педагогических курсов, и в двух переводах из 78 оказалась та же самая ошибка.

Кроме совпадения одной ошибки в обоих переводах, решение суда первой инстанции, впоследствии отмененное, основывалось также на совпадении так называемых «переводческих находок», т. е. удачного отхода от словарных соответствий. Таких случаев первая экспертиза МГУ, пришедшая к неправильному выводу о наличии плагиата, насчитала девять. Однако все эти «отступления» были по существу логически и стилистически оправданы и закономерны. Все они подходили под определенные категории лексических и грамматических трансформаций. Проведенный в ходе экспертизы переводческий эксперимент подтвердил естественность этих совпадений. Вообще, в квалифицированных переводах одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками, неизменно наблюдается довольно высокий процент словарных совпадений.

Эксперты МГУ подсчитали, что в 11 главах романа³, содержащих 337.000 слов, в двух переводах совпадают 29.000 слов, т. е. 9%. Экспертная комиссия МГПИИЯ, подсчитавшая отрывки размером в 500.000 слов в разных переводах «Ярмарки тщеславия» Теккерея, «Госпожи Бовари» Флобера и «Тихого американца» Грэма Грина, обнаружила совпадения лексики от 40 до 62%. Таким образом, число совпадений в переводе ответчика оказалось в пять-шесть раз меньше нормального. Это объясняется тем, что перевод, выполненный истцом, никак нельзя признать квалифицированным переводом. Чем квалифицированной переводы, тем выше должен быть процент совпадений.

Чтобы проверить этот вывод и одновременно подтвердить выводы, сделанные в период проведения экспертизы в 1961 году, в ноябре – декабре 1972 года те же примеры из романа К. С. Причард «Золотые мили» были даны для перевода студентам III, IV и V курсов МГПИИЯ. Как уже было упомянуто, целью эксперимента было установить закономерность совпадений трансформационного перевода.

Естественно, что и незнакомый с теорией трансформаций переводчик, обладающий достаточным языковым чутьем, может успешно применять те или иные приемы лексических и грамматических трансформаций интуитивно. Опытные переводчики художественной литературы сплошь и рядом пользуются этими приемами, не зная теории и так же не сознавая, что они их применяют, как мольеровский мосье Журден не знал, что всю жизнь говорит прозой. Учитывая это обстоятельство, мы проводили эксперимент в группах IV и V курсов, уже знакомых с теорией трансформаций, и в группах III курса, которым эта теория еще неизвестна. Это принималось во внимание при сопоставлении результатов эксперимента. Приведем наиболее показательные примеры из недавно проведенного эксперимента.

In the change room, with the rush of getting out of their working clothes and fighting for the showers, came renewed energy. The fresh air revived most of the men, and the thought of beer at the nearest pub stimulated sluggish pulses.

В ходе судебного Процесса второму переводчику было инкриминировано «лишнее», т.е. отсутствующее в подлиннике слово «кружка» (мысль о **кружке** пива), оказавшееся в обоих переводах. Если при проведении эксперимента в 1961 году в более разнородной аудитории совпадение приема конкретизации («кружка пива» вместо «пива») было у 82% переводивших, то теперь у студентов IV и V курсов этот процент превысил 90%, а у групп III

³ См. К. С. Причард. Золотые мили (пер. С. Серпинского, М., 1949 г. и пер. Т. Озереккой, М., 1954 г.)

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>

курса был равен 84%. Стало быть, знание теории повышает вероятность закономерных трансформаций.

Во втором примере жена шахтера обращается к женщине, недавно приехавшей в поселок, и, чтобы передать разговорность и простоту речи, у обоих переводчиков романа появился одинаковый антонимический перевод.

I am pleased to meet you, Mrs de Morfé. Will you come in? It's such a hot morning, and your husband knows our *free and easy* way on the goldfields. We usually have a cup of tea at this time.

Вот «почти» одинаковые переводы истца и ответчика:

– Очень рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Прошу вас, пройдемте в дом. Сегодня такое жаркое утро... ваш муж знает, что у нас здесь *попросту, без церемоний*. Мы в это время обычно пьем чай.

– Я рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Не хотите ли войти в дом? Такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь *просто, без церемоний*.

Действительно, совпадение перевода фразеологизма *free and easy (way)* на первый взгляд может показаться подозрительным. Ведь словарь Мюллера, которым могли пользоваться оба переводчика, дает «прямой» перевод: «непринужденный, чуждый условностей», что не соответствует ситуации и характеру говорящей. Аудитория, в которой проводился эксперимент 1972 года, была предупреждена, что это слова простой женщины, жены горняка. В результате у 73% переводивших оказался один и тот же антонимический перевод: «у нас здесь без церемоний». Правда, почти никто из студентов не опустил выражения «на золотых приисках», но такое опущение вполне понятно у переводчиков всего романа в целом, где действие происходит на приисках, и нет необходимости повторять это на каждом шагу.

Основу лексических трансформаций в процессе перевода составляют категории логического мышления. Когда эксперимент касается менее сложной категории подчинения, закономерность совпадений в переводах выступает более отчетливо, чем при трансформациях, входящих в рамки формально-логических категорий перекрещивания и внеположенности. Операции сужения и расширения понятия при переводе приемами дифференциации, конкретизации и генерализации, укладывающиеся в рамки формально-логической категории подчинения, дают самый высокий процент совпадений – от 75 до 90 процентов.

Следует отметить, что право на обобщение результатов дают лишь массовые наблюдения. Большим подспорьем в этом отношении могут служить стабильные тексты контрольных работ, проводившихся в течение ряда лет и хранящихся на кафедре вуза или у преподавателя. Когда один и тот же текст, например, статья У. Фостера о кризисе 1929 года в США или же отрывок из его книги «Закат мирового капитализма» о положении негров в США служит в качестве контрольной письменной работы по переводу с английского на III курсе более двадцати лет (первая статья – с 1947 года, отрывок из книги – с 1950 года), то результаты наблюдений и выводы основываются на сопоставлении от 200 до 350 работ. Правда, довольно простые тексты этих двух контрольных дают материал для наблюдения над трансформациями «первой ступени» – дифференциацией, конкретизацией и генерализацией понятий в переводе.

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>

Конкретизируя *final message to Congress* президента Кулиджа в декабре 1928 года, более половины писавших перевели: «прощальное послание президента конгрессу», что конечно точнее, чем «заключительное» или «последнее» послание. Здесь дифференциация сочетается с конкретизацией определения.

В той же статье, характеризуя эру «процветания», президент Кулидж упоминает о *freedom from industrial strife*, и, разумеется, повторяющийся примерно в трети всех работ перевод: «отсутствие борьбы в промышленности» с использованием словарного соответствия *strife*=«борьба» совершенно недопустим. Правильно поступили почти 60% писавших, прибегнув к конкретизации понятия *strife*: «отсутствие конфликтов в промышленности».

Лишь в немногих переводах учтено, что *factory* более широкое понятие, чем «завод», охватывающее нередко и фабрики. Менее, чем в 5% процентах работ фраза *factories shut down* переведено: «заводы и фабрики закрывались». Между тем, такая дифференциация и конкретизация здесь обязательна.

В отрывке из книги У. Фостера о положении негров в США сказано:

But worse of all is the terrible scourge of lynching, the brutal hangings, shootings and burnings of Negroes that have so often disgraced our nation.

Почти в 40% всех переводов буквальная передача однородных членов сопровождалась смысловой ошибкой: «зверские повешения, расстрелы и сожжения негров». Между тем, *shooting*, – конечно, не расстрел по приговору суда или военного трибунала. Правильно поступили те (свыше 20%), кто применил при переводе однородных членов предложения и грамматическую, и лексическую трансформацию: генерализацию значения *shootings* и замену существительных глаголами:

«Но самое чудовищное – это бич линчевания, когда негров убивают, вешают, сжигают заживо, что так часто позорит наш народ».

Прием генерализации – «убивают» вместо ненужной в данном контексте детализации, к тому же затрудненной отсутствием в русском языке глагола, обозначающего «убить из огнестрельного оружия», – здесь вполне оправдан. Когда речь идет о систематических убийствах, нельзя использовать ни «застрелить», ни «подстрелить», ни «пристрелить».

В переводе статьи У. Фостера Можно отметить и случай более сложного приема лексической трансформации – смыслового развития понятия. Выброшенных на улицу во время кризиса американских специалистов Фостер называет *formerly proud professionals*. «Прежде гордые специалисты» – явная нелепость. В русском языке, как это нередко бывает, требуется более точное обозначение качества или признака. Поскольку дальше, в той же статье, говорится о том, что «беловоротничковые рабочие» (т. е. служащие) и специалисты считали себя привилегированной частью общества, естественно путем развития значения *formerly proud professionals* перевести: «прежде гордившиеся своим положением специалисты». Это добавление фигурирует почти в 10% всех переводов.

Нужно учесть, что описанные выше трансформации в переводах из работ У. Фостера выполнены на 5-м семестре студентами, совершенно не знакомыми с теорией перевода и с теорией лексических и грамматических трансформаций в частности. Тем показательней результаты эксперимента. Закономерности остаются закономерностями, независимо от того, сознательно или бессознательно применяется переводчиком данный прием. Конечно, знание теории ускоряет и закрепляет приобретение навыка.